

Матвейчева Татьяна Витальевна

"СВОЕ" И "ЧУЖОЕ" КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается оппозиция "свой - чужой" как принцип моделирования мира и взаимодействия между представителями разных культур. Данная оппозиция рассматривается как один из наиболее значимых гносеологических инструментов, определяющих специфику межкультурного взаимодействия. Изучаемая оппозиция реализуется как на языковом уровне, так и в лингвокогнитивном аспекте, выступая способом познания окружающего мира посредством культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 117-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 811.11-112

Филологические науки

В статье рассматривается оппозиция «свой – чужой» как принцип моделирования мира и взаимодействия между представителями разных культур. Данная оппозиция рассматривается как один из наиболее значимых гносеологических инструментов, определяющих специфику межкультурного взаимодействия. Изучаемая оппозиция реализуется как на языковом уровне, так и в лингвокогнитивном аспекте, выступая способом познания окружающего мира посредством культуры.

Ключевые слова и фразы: оппозиция «свой – чужие»; национально-культурная специфика; самоидентификация; картина мира; культурные маркеры.

Матвеева Татьяна Витальевна, к. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
tanyamatveichev@mail.ru

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КУЛЬТУРЫ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Толерантность как компетентностная составляющая коммуникативно гибкой языковой личности в условиях поликультурного Северо-Кавказского региона», проект № 15-04-00126.

Человек находится в центре мира, в котором он познает и оценивает со своей жизненной позиции то, что ему знакомо, воспринимается как свое, а неизвестное, новое кажется ему чужим. Архетипический принцип организации мира, представление о своем и чужом изначально заложены в картине мира каждого социума. Образ мира, который формируется в системе координат определенной этнической культуры, является базовой составляющей культуры этноса. Оппозиция «свой – чужой» трактуется как один из наиболее значимых гносеологических инструментов, определяющих особенности взаимодействия между представителями разных культур. Можно выделить ряд признаков, отличающих «своих» от «чужих». Так, к признакам «своего» принадлежат стереотипы поведения, способы проявления отношения к «чужим», язык, одежда и многие другие культурные маркеры. Важным представляется изучение путей и способов взаимодействия «своего» и «чужого» в активно развивающемся сегодня диалоге культур.

Человек воспринимает мир, распознавая образ, устанавливая соответствующий ему этимон (*etymon* – «истина») и получая тем самым доступ к «результату многовековых исканий истины, запечатленного языковым сознанием» [1, с. 143]. В лексическом значении слова этимон является остаточным реликтовым элементом, который наглядно представляет начало семантической эволюции концепта. Как известно, «слову приписываются различные виды памяти» – этимологическая, культурная, когнитивная, научная, обыденная и другие, многие из которых могут быть установлены посредством обращения к этимологии изучаемых единиц. Н. А. Луценко отмечает, что в слове следует видеть «исторический факт языка», особо подчеркивая при этом его предикативный характер [5, с. 12].

Рассматриваемая оппозиция семиотична: она имеет различные уровни выражения, в том числе, и языковой. Данные этимологических и современных толковых словарей подтверждают, что изучаемые понятия, будучи социально обусловленными, по мере освоения человеком мира приобретали новые значения, расширяя свою понятийную сферу. Важно отметить, что использование метода этимологического анализа позволяет изучать концептуально значимую информацию в диахронии, так как этимологические характеристики отображают механизм и социокультурные этапы формирования определенного концепта.

Так, например, этимология значений, формирующих понятийное содержание оппозиции «свое – чужое» / «eigen – fremd» в русском и немецком языках, позволяет сделать вывод о том, что в немецкой лингвокультуре понятие «eigen» изначально предполагает отношение отдельной личности к окружающим, в русской же лингвокультуре обнаруживается априорная интегрированность отдельной личности в какую-либо группу, т.е. изначально речь идет о межгрупповых отношениях, при этом межличностный уровень отступает на второй план. Толкования, приведенные в этимологических источниках, свидетельствуют об универсальном восприятии чужого как непривычного и враждебного, свое же воспринимается как близкое и понятное. Бинарную оппозицию можно трактовать как парное когнитивно и концептуально значимое противопоставление явлений действительности посредством антитетически коррелирующей фиксации их свойств и отношений в этноментальном и языковом сознании, реализуемой лексическими антонимами, которые «обязательно соотносятся с такими качествами, свойствами, признаками, явлениями, которые способны в том или ином измерении градуироваться и расчлениваться нашим сознанием» [7, с. 288]. С. В. Серебрякова справедливо отмечает далее, что «сами предметы и явления не обладают внутренними свойствами противоположности, но по мере их осмысления человеком они включаются в систему общепринятых норм, с помощью которых осуществляется оценка этих предметов и явлений с различных точек зрения, имеющих социальную значимость» [Там же, с. 292]. По наблюдениям

исследователей, бинарная оппозиция «свой – чужой» может трансформироваться в оппозицию «свой – другой», обнаруживая толерантную аксиологию относительно «чужого» как понятого и освоенного «другого» [4, с. 39].

Подчеркнем, что в лингвокогнитивном аспекте оппозиция «свое – чужое» трактуется как важный компонент культуры, знание о котором представляет собой знание о законах, правилах и культуре этноса в целом. Разделение на «свое – чужое» выступает способом познания культурой окружающего мира. Помимо реализации на языковом уровне, данная оппозиция выступает также как категория мышления. У разных людей, народностей, наций, как показали исследования в когнитивном аспекте, наблюдаются общие мыслительные механизмы, которые коррелируют в разных языках. Тот факт, что человек обладает возможностью выучить иностранный язык и понимать другого человека, выросшего в иной культуре, уже указывает на общность базовых когнитивных моделей [6, с. 41].

Важная роль принадлежит представлениям «своего» и «чужого» в масс-медийных и литературно-художественных текстах, способствующих формированию общей информационной культуры общества и выступающих основным фактором массового общественного поведения. Формирование уважительного отношения друг к другу, положительные социальные ориентиры, заимствование хорошего «чужого» из других культур в сочетании с национально-культурными традициями и народной мудростью, способствуют формированию просвещенной толерантной личности.

Признание инаковости чужого находит свое проявление и в коммуникативном поведении в случае контраста культур. В некоторых случаях дискурсивная реакция коммуниканта вызывает различные вербальные проявления «культурного шока», когда они («чужие») ведут себя как-то не так, по-другому [10, с. 154-156]. Так, к невербальным элементам «чужого» относят внешние признаки, одежду, украшения, позу, жесты, мимику, визуальный контакт, кинесику, проксемику и даже запах [2, с. 43-46]. «Чужое» как нечто непонятное или непознанное может вызывать при этом страх. По мнению Л. А. Клюкиной, в рамках феноменологической теории ценностей М. Шелера «свое» и «чужое» выступают в качестве модусов интенциональной работы эмоционального сознания. Восприятие «своего» возникает, если в предпочтении происходит формирование интенционального объекта. «Чужое» видится при возникновении негативной эмоциональной реакции, которая ведет к формированию интенционального объекта с отрицательным значением. Деление на «свое / чужое» нивелируется, если речь идет об абсолютных ценностях [3, с. 52].

Во многих культурах отношение к другим народам определяется с позиций этноцентризма, т.е. «свои» обычаи, традиции, религия, язык воспринимаются как единственно правильные. Образ «чужого» представляется с двух позиций – неприятия (представитель другого этноса вызывает чувство осторожности или опасности в связи с его инаковостью) и толерантности («чужие» в обрядности, магии, религии), реализуя тем самым противоречивые характеристики. Однако эта полярность выражает уникальность представлений о «чужих», в которых отражаются общественное противостояние и культурное взаимовлияние [9, с. 141].

В настоящее время в преподавании иностранных языков особое значение приобретают коммуникативно-прагматические аспекты, что обусловлено стремлением к формированию «вторичной языковой личности», обладающей лингвокультурными знаниями и социокультурными нормами поведения, свидетельствующими о достаточном уровне сформированности межкультурной компетенции как способности гармоничного коммуникативного взаимодействия индивидов, представляющих разные социокультурные общности» [8, с. 98].

Глобализация на рубеже веков вызвала целый ряд изменений, как качественного, так и количественного характера. Активные миграционные процессы, происходящие в мире, приводят к трансформации способов самоидентификации личности. Так, для мирного сосуществования культурам разных народов необходимо адаптироваться к новым реалиям. Сосуществование культур ведет к их трансформации через заимствования, таким образом, происходит диалог культур. Результатом глобализации стало появление так называемой «мультикультуры», продукта глобализации, который существенно воздействует на индивида и формирование его этнокультурной идентичности.

Список литературы

1. **Алефиренко Н. Ф.** Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 328 с.
2. **Донец П. Н.** Сигналы «чужого» в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 42-47.
3. **Клюкина Л. А.** Проблема «свое» и «чужое» в контексте феноменологической теории Макса Шелера // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: мат-лы 5-й междунар. науч. конф. Петрозаводск: ПГУ, 2005. С. 51-56.
4. **Леглер А. А.** Особенности вербализации бинарно-понятийной оппозиции «свой – чужие» в художественной публицистике Гюнтера Вальрафа: дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2001. 238 с.
5. **Луценко Н. А.** Введение в лингвистику слова. Горловка: Изд-во ГДППМ, 2003. 144 с.
6. **Петроченко М. Н.** Семантический компонент «свой / чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2005. 227 с.
7. **Серебрякова С. В.** Дистрибутивность семантики лексических параметров знака: дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2002. 431 с.
8. **Серебрякова С. В., Серебряков А. А.** К проблеме формирования языковой личности лингвиста-переводчика // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 3 (103). Майкоп, 2012. С. 96-102.
9. **Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
10. **Стернин И. А.** Введение в речевое воздействие. Воронеж: Полиграф, 2001. 252 с.

“OURS” AND “THEIRS” AS A MEANS OF CULTURAL SELF-IDENTIFICATION

Matveicheva Tat'yana Vital'evna, Ph. D. in Philology
North-Caucasus Federal University
tanyamatveichev@mail.ru

The article examines the opposition “ours – theirs” as a principle of the world modeling and the interaction between the representatives of different cultures. Such opposition is considered as one of the most significant gnoseological instruments, defining the specificity of cross-cultural interaction. The opposition under study is realized both on the language level and in linguistic-cognitive aspect, being a means of culture cognition of the surrounding world.

Key words and phrases: opposition “ours – theirs”; national-cultural specificity; self-identification; picture of the world; cultural markers.

УДК 82-191

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о вероятных источниках заимствования сюжета поэмы «Медлум и Лейли» (1910) Велимира Хлебникова. Автор показывает, что вопреки мнениям многих комментаторов поэма Хлебникова не опирается на сюжет поэмы «Лейли и Меджнун» Низами. В ней можно найти следы мотивов курдской фольклорной версии предания о Лейли и Меджнуне. Создавая свое произведение на фоне любовной истории восточных героев, Хлебников говорит о бессмертии, как о вечном продолжении духовного бытия.

Ключевые слова и фразы: «Лейли и Меджнун» Низами; фольклорное сказание; фольклор народов Ирана; курдская версия о «Лейли и Меджнуне»; бессмертие любви.

Машхадирафи Фереште

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
f.m.rafi@gmail.com

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОЭМЫ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА «МЕДЛУМ И ЛЕЙЛИ»[©]

В культурах народов Среднего и Ближнего Востока Лейли и Меджнун являются известными персонажами и, в то же время, символами идеальных влюбленных. Печальная повесть о Меджнуне и Лейли сложилась в глубокой древности. Предание о трагической любви Меджнуна и Лейли зародилось в конце VI и в начале VIII века нашей эры среди североарабских племен – бедуинов. Письменное оформление предание получило в первой половине X века. Зародившись на арабской почве, повесть получила большое распространение во всех странах Ближнего Востока [7, с. 24].

Образы Лейли и Меджнуна на протяжении веков неоднократно вдохновляли восточных поэтов на создание произведений про историю их любви на таких языках, как арабский, персидский, тюркский и урду. Но можно смело сказать, что эти влюбленные получили свою наибольшую известность в мировой литературе благодаря шедевру иранского поэта Низами, поэме «Лейли и Меджнун».

Поэма «Лейли и Меджнун» является третьей поэмой «Пятерицы (Хамсе)» Низами, которая создана им по просьбе Ширваншаха Ахстана Манучихра в 1188 г. Она насчитывает больше 4000 бейтов и написана за короткий срок – менее 4 месяцев – в форме месневи таким размером: хазадж-и мусаддас-и ахраб-и макбуз-и махзуф (схема: U – – |U – – |U – –). Этот размер очень плавен и обладает большим ритмическим разнообразием. Такой размер можно читать и в ускоренном, и в замедленном темпе в зависимости от характера и логического развития повествования [3, с. 23]. После Низами многие поэты приступили к написанию поэм-подражаний под впечатлением его «Лейли и Меджнуна».

За пределами мира восточной литературы появление образов этих легендарных влюбленных мы можем найти в поэме «Медлум и Лейли» (1910) Велимира Хлебникова. Само название поэмы Хлебникова создает у читателей такое чувство, что главным источником сюжета произведения русского поэта является поэма «Лейли и Меджнун» Низами. Кроме того, нельзя не вспомнить сильное увлечение русского поэта поэмой Низами, которую он даже назвал «лучшей повестью арамейцев». Но несоответствие двух поэм иранского и русского художников обнаруживается при сопоставлении их мотивов и сюжетных линий. В связи с этим мы можем согласиться с мнением Н. Степанова о том, что «Медлум и Лейли» Хлебникова отнюдь не перевод поэмы Низами и не пересказ ее сюжета [5, с. 105].

Начнем с того, что поэма Хлебникова по объему значительно уступает произведению Низами и даже другим одноименным поэмам-подражаниям – она насчитывает всего 134 стиха. В ней нет и вступительных глав, наличествующих в оригинале, и не имеющих прямого отношения к самой теме поэмы. Размер хлебниковской поэмы, по словам Н. Степанова, далек от восточных размеров, тяготея в основном к четырехстопному хорею [Там же].

Если обратиться к экспозиции поэмы, мы увидим, что, как отмечает П. И. Тартаковский, вступительные строки поэмы напоминают эпический зачин фольклорного сказания или сказки; в нем не произнесено, но ощутимо традиционное «жили-были»: